

Незаметно пролетел год, и наступил семьдесят седьмой. Юань Цзин специально раздобыл ларец из драгоценного дерева наньму, чтобы хранить в нём письма Цзян Циншаня. Стопка листов в нём давно стала толще, чем пачка весточек от отца. Юноша ловил себя на том, что всё чаще и охотнее делится в письмах своими самыми сокровенными мыслями.

Чэнь Цзяньхуа оставался его верным и надёжным другом, но место Цзян Циншаня в сердце юноши с каждым днём становилось всё значимее. Это чувство давно переросло простую привязанность к товарищу или брату. Юань Цзину было трудно подобрать слова для описания их связи. Будь это мир после апокалипсиса, они стали бы теми, кому без тени сомнения доверяешь прикрывать спину; теми, кто разделяет одну жизнь и одну смерть на двоих. Один в беде — и другой, не раздумывая, бросится на выручку, наплевав на собственную безопасность.

Юноша прекрасно понимал: это лишь его первая жизнь в череде бесконечных странствий по мирам. Но в этой реальности только Цзян Циншань мог стать его самым близким человеком. И если Цзяну это будет нужно, он был готов остаться с ним до самого конца.

«Система, проживу ли я в этом мире до глубокой старости? Или мне придётся уйти раньше, как только задание будет выполнено?» — впервые обратился он к голосу в своей голове.

Последовала долгая пауза, словно Искусственному Интеллекту, пребывавшему в режиме ожидания, требовалось время на перезагрузку. Наконец раздался тихий сигнал.

[Приветствую, носитель. Вы можете потратить накопленные баллы на покупку марионетки. Она полностью скопирует вашу личность и заменит вас в этом мире до самой смерти. Разумеется, вы вправе остаться и сами]

«Повлияет ли время моего пребывания в этих мирах на момент возвращения в мой собственный мир?»

[Нет, не повлияет]

«Спасибо тебе».

[Не стоит благодарности. У носителя есть другие вопросы?]

«Пока нет».

Система вновь затаилась. Юноша помассировал кончики пальцев, убеждая себя, что просто не хочет тратить баллы впустую. На самом деле ему хотелось своими глазами увидеть, какой путь выберет Цзян Циншань.

В ларце, помимо писем, хранились и другие памятные мелочи. Например, стреляная гильза — Цзян прислал её на память после учебных стрельб. Сухой лист причудливой формы: мужчина сорвал его во время задания, решив, что Юань Цзину понравится, засушил между страниц книги и отправил в конверте. Там же лежали медали — за два года службы Цзян Циншань не раз совершал подвиги, и все свои награды он отсылал юноше. За это короткое время накопилось немало свидетельств его доблести.

— Юань Цзин! Юань Цзин, выходи скорее! Потрясающие новости!

Снаружи слышались торопливые шаги и ликующие крики. Юноша поспешно запер ларец. Ключ он всегда носил при себе — подсознательно он не хотел, чтобы кто-то коснулся его тайны.

Стоило ему выйти, как Чэнь Цзяньхуа и Линь Дун распахнули двери в дом. Оба покрасневшие, с лихорадочным блеском в глазах. Октябрь выдался прохладным, но лбы у парней блестели от пота.

Цзяньхуа, едва завидев друга, закричал на весь дом:

— Невероятная весть, Юань Цзин! Гаокао восстановили! В декабре! Экзамены действительно будут!

— Да, мы только узнали и сразу примчались, чтобы сообщить вам, — добавил Линь Дун. Голос его дрогнул, и он прикрыл глаза рукой, пытаясь сдержать рыдания. — Наконец-то можно сдавать... Мы ждали не напрасно. Юань Цзин, спасибо тебе.

Линь Дун часто заходил к ним, и со временем его тоже вовлекли в занятия. Теперь, услышав новость, он не мог скрыть слёз благодарности. Он верил, что благодаря подготовке сдаст экзамены лучше остальных, и надежда на поступление в университет стала почти осязаемой.

Он приехал в бригаду «Красная Звезда» десять лет назад. Линь Дун принадлежал к поколению «лаосаньцзе», чьи мечты о знаниях были прерваны, и долгие годы ждал этого дня. Крепкий мужчина, никогда не знавший слёз, теперь не мог скрыть своего волнения. Ему было почти тридцать, и он уже был готов сдать, оставить мысли о городе и завести здесь семью. К счастью, он продержался.

Юань Цзин и Цзяньхуа ободряюще похлопали его по плечу. Тот не нуждался в словах утешения — это были слёзы облегчения.

Во дворе чжицинов творилось нечто невообразимое: кто-то плакал, кто-то смеялся. Тайные занятия Линь Дуна перестали быть секретом. Те, кто учился вместе с ним, ликовали; те же, кто относился к учёбе с пренебрежением, теперь кусали локти от досады, пытаясь наспех одолжить книги у товарищей.

Капитан и Секретарь бригады поддержали стремление молодёжи и местных жителей, подходивших под условия конкурса. Пример лекарей был перед глазами: Старейшину Чжана уже забрали, а в этом году были реабилитированы и вернулись в город Старейшина Хэ и супруги Ван. Учёба вновь стала надёжным способом получить «железную миску риса» и государственное обеспечение.

Тётушка Гуйлань тоже горячо поддержала ребят, взяв на себя домашние хлопоты. Благодаря Юань Цзину её здоровье крепло день ото дня, а жизнь в доме за эти два года стала только лучше. К ребятам, а особенно к Юань Цзину, она относилась как к родному сыну.

Старейшина Чжан прислал из столицы ценные учебные материалы, призывая юношу готовиться усердно: он ждал его в Пекине.

И лишь от семьи Чжэн по-прежнему не было ни весточки. За последние полгода не пришло ни единого письма.

<http://bllate.org/book/15835/1436107>